
Эва Гринерс
Хозяйка дома у дороги
история крепостной

Эва Гринерс

Хозяйка дома у дороги. История крепостной.

«Автор»
2026

Гринерс Э.

Хозяйка дома у дороги. История крепостной. / Э. Гринерс — «Автор», 2026

В прошлой жизни я была ревизором и умела находить недостачи там, где всё с первого взгляда казалось безупречным. А теперь я попала в прошлое и оказалась молодой крепостной вдовой, у которой нет ни денег, ни прав, ни права голоса. Местный управляющий решил, что может распоряжаться мной по своему усмотрению. Но крепко ушибся... То есть ошибся! И теперь меня отправляют в заброшенное имение, где крыша держится на честном слове, а доживают свой век все, кто оказался неугоден управляющему самодуру. Что ж, господа хорошие, ревизию я проведу и здесь! А там посмотрим, кто кого ещё поставит на место! #бытовое фэнтези#попаданка#сильная героиня#крепостная#юмор#любовьвопреки

© Гринерс Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Эва Гринерс
Хозяйка дома у дороги.
История крепостной.

Глава 1

- Сапожки-то хорошие остались, - произнёс над моим ухом незнакомый женский голос. - Егор ей прошлой осенью справил, к самой Покрове. Почитай, и не носила вовсе.

- А тебе на что? У тебя нога аки лапоть, малы будуть, - отозвалась другая женщина, и где-то совсем рядом скрипнула половица.

- Так продать можно. Не пропадать же добру, коли хозяйке оно без надобности стало.

Я попыталась открыть глаза, но веки словно склеили. Во рту пересохло настолько, что язык казался чужим, тяжёлым и шершавым, а голову при малейшем движении пронзала тупая боль. Хотелось пить. Ещё сильнее хотелось, чтобы две незнакомые бабы перестали зудеть постервяничьи над ухом.

- Сапоги положите на место, - попыталась твёрдо произнести я, чтобы остановить этот полусон-полубред.

Вместо слов из горла вырвался невнятный хрип. Пришлось сглотнуть, собраться с силами и повторить требование, на этот раз немного громче.

Разговор оборвался. Послышалось шуршание одежды, кто-то торопливо отступил, задев стоявшее возле постели ведро.

- Агафья! - испуганно прошептала первая женщина. - Ты слыхала? Она заговорила! Её отпевать собрались, а она заговорила!

- Господи милостивый, да неужто очнулась? - Вторая приблизилась, и на мой лоб легла широкая прохладная ладонь. - Ариша, голубушка, слышишь меня? Глаза-то открой, родимая.

Я наконец справилась с непослушными веками и увидела над собой круглое женское лицо, в обрамлении седых волос и старенького выцветшего платка. Женщина была немолода, с красноватыми щеками, крупным носом и мелкими морщинками возле глаз. Она смотрела на меня с таким изумлением, словно я только что поднялась из гроба.

За её плечом маячила другая, сухая и длинноносая, с тонкими губами, поджатыми так плотно, будто она была крайне недовольна моим пробуждением.

- Пить, - выдавила я, облизнув растрескавшиеся губы. - Дайте воды.

- Сейчас, сейчас, милая. - Круглолицая женщина засуетилась, отодвинула что-то с деревянным стуком и вернулась с глиняной кружкой. - Только помаленьку, не торопись. Ты ведь три дня маковой росинки не принимала, губы аки каменные были.

Она приподняла мою голову, подложив под затылок руку, и осторожно приставила кружку ко рту. Вода была тёплой, с неприятным привкусом, но я пила жадно, почти захлёбываясь, пока женщина не отняла посудину.

- Хватит покуда, а то дурно сделается. Вон как ослабла, бедолажка.

Я хотела возразить, что сама в состоянии определить, сколько мне требуется воды, однако вовремя обнаружила, что даже удерживать голову без посторонней помощи не получается. Пришлось смириться и снова опуститься на подушку.

Подушкой, к слову, служил туго набитый чем-то колючим мешок. От него пахло сухой травой, пылью и, кажется, мышами.

Какое всё вокруг… странное.

Я попыталась вспомнить, каким образом оказалась здесь, и почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Последнее отчётливое воспоминание относилось к пятнице. К вечеру пятницы, если быть точной.

На столе лежала папка с результатами проверки муниципального предприятия, директор которого ухитрился за три года семь раз заменить ворота одного и того же склада. Судя по представленным актам, ворота были изготовлены как минимум из драгметалла, хотя при осмотре обнаружились обычные железные створки, покрашенные такой дешёвой краской, что она уже успела облупиться.

Директор, грузный мужчина с багровой шеей, сорок минут объяснял мне особенности хозяйственной деятельности, ссылался на инфляцию, недобросовестных подрядчиков и сложную экономическую обстановку.

Я слушала терпеливо. Даже предложила ему выпить воды, когда он окончательно охрип.

Потом поинтересовалась, почему все семь комплектов ворот до сих пор числятся установленными, а ни один из демонтированных не был оприходован как металлолом. Директор багровел и кашлял, зыркая на меня с ненавистью.

Помнилось, что из кабинета я вышла поздно. На улице шёл дождь, пришлось натянуть капюшон и почти бегом добираться до машины. Потом были мокрый асфальт, красные огни светофора, чьи-то фары, внезапно ударившие прямо в глаза… Дальше память обрывалась.

Я осторожно повернула голову. Надо мной нависал низкий дощатый потолок в тёмных балках. В углу висели связки сушёных трав, возле маленького окна стоял деревянный сундук, а за спинами женщин виднелась огромная белёная печь.

Никаких медицинских приборов. Ни капельницы, ни монитора, ни даже обычной больничной тумбочки.

Зато на стене висела потемневшая икона, перед которой теплился крошечный огонёк лампадки.

Я моргнула, надеясь, что от этого окружающая обстановка приобретёт более привычные очертания.

Не приобрела.

- Где я нахожусь? - спросила я, стараясь произносить слова отчётливо.

Круглолицая женщина с тревогой посмотрела на свою спутницу.

- Дома ты, Ариша. В своей избе. Аль не узнаёшь?

- Не узнаю, - призналась я, переводя взгляд с печи на сундук. - И вас тоже. И я не Ариша.

Сухая женщина немедленно перекрестилась.

- Вот тебе и на! А я говорила, что не всякий после такой горячки умом цел остаётся. Три дня металась, мужика покойного кликала, а теперь и родную избу позабыла.

- Прасковья, прикуси язык! - прикрикнула на неё круглолицая. - Чего человека пугаешь? Она только-только очнулась.

- А я что? Я ничего. - Прасковья обиженно поправила платок, но от постели отступила. - Ты сама погляди, как она глазами водит. Будто впервые здеся оказалась.

В этом отношении Прасковья была совершенно права.

Я действительно впервые видела эту комнату, этих женщин и собственные руки, лежавшие поверх грубого полотняного покрывала.

Собственные?

Я медленно подняла правую ладонь. Пальцы оказались длинными, тонкими, с коротко обрезанными ногтями. На указательном виднелась небольшая царапина, возле большого пальца - застарелая мозоль. Кожа была загорелой, местами огрубевшей, но совершенно очевидно молодой.

Я повернула кисть, осмотрела запястье, потом поднесла руку к лицу. Никаких возрастных изменений. Форма ногтей была другой. Эти руки принадлежали кому-то другому.

Сердце забилось быстрее.

- Зеркало, - попросила я, стараясь не выдать охватившего меня ужаса. - У вас есть зеркало?

- Оспади, какое ишо зеркало? Нашлась барыня, - всплеснула руками круглолицая женщина. - Ты сперва оклемайся как следует. Ишь чего удумала, едва с того света воротилась!

Я отвернулась к стене, потому что больше не могла смотреть на её доброе, встревоженное лицо.

Попыталась собраться с мыслями и призвать рассудок в свидетели.

Я - Юлия Сергеевна Громова, начальник контрольно-ревизионного отдела, женщина пятидесяти лет, с тридцатилетним трудовым стажем, собственной квартирой, автомобилем и весьма определёнными взглядами на устройство окружающего мира.

И сейчас лежу в какой-то избе, где две незнакомые женщины обсуждают, кому достанутся мои сапоги.

Причём одна из них, судя по всему, уже успела их примерить. То, что я знала о себе и помнила, разбивалось с треском о неприглядную действительность.

Я закрыла глаза. Сейчас мне хотелось только проснуться заново.

***

Однако, проснуться не получилось.

Я пыталась несколько раз. Закрывала глаза, считала до десяти, представляла собственную спальню с серыми шторами, книжным шкафом и неизменно заваленным бумагами письменным столом. Даже мысленно ругала себя за то, что опять засиделась на работе и довела организм до нервного срыва. Я считала до ста, потом до тысячи…

Но стоило открыть глаза, как передо мной возникали те же деревянные балки.

К вечеру я окончательно убедилась, что происходящее не сон.

Слишком уж настойчиво болело тело. Слишком отчётливо ощущались шероховатости ткани, запах печного дыма, сквозняк, пробиравшийся от окна, и противный кислый привкус во рту.

А ещё мне ужасно хотелось в туалет.

Последнее обстоятельство окончательно включило меня в действительность.

- Агафья, - позвала я, когда круглолицая женщина в очередной раз подошла поправить одеяло. - Мне нужно встать.

- Куда тебе вставать, голубушка? Ты ж и сидеть-то толком не можешь. - Она наклонилась, прислушалась к моим сбивчивым объяснениям и понимающе закивала. - А-а, так бы сразу и сказала. Сейчас помогу.

Дальнейшее стало одним из самых унизительных переживаний за всю мою взрослую жизнь.

Агафья принесла глиняный горшок, помогла мне приподняться и принялась деловито устраивать всё необходимое, совершенно не смущаясь ни моей беспомощности, ни моих протестов.

Мне хотелось провалиться ещё куда-нибудь, только бы подальше отсюда.

Когда процедура наконец закончилась, я лежала красная от стыда и ненавидела решительно всё: горшок, чужое тело, неизвестную болезнь и особенно собственную слабость.

- Ничего, милая, - утешала Агафья, убирая посудину. - Поправишься. Ты ведь у нас молодая, кровь горячая. Вот только горе тебя подкосило.

Я ухватилась за последнее слово.

- Какое горе?

Женщина замерла у двери, медленно обернулась и посмотрела на меня так, будто я вдруг залаяла по-собачьи.

- Ариша, ты что же, и Егорушку своего позабыла?

Имя ничего мне не говорило.

- Напомни, - попросила я, чувствуя, как пересыхает горло. - Что с ним случилось?

Агафья присела на край лавки. Её широкое лицо сразу осунулось, а в глазах появилась такая искренняя жалость, что я невольно отвела взгляд.

- Убился твой Егорушка, милая. На господском дворе, когда лес разгружали. Бревно с воза сорвалось, прямо ему по голове пришлось. Мужики и подхватить не успели. Как привезли его домой, так ты возле него и упала. Всё кричала, чтоб не забирали, всё за руки держала. Еле оттащили тебя, когда хоронить повезли.

Она тяжело вздохнула, вытерла уголком платка глаза и продолжила уже тише:

- После похорон ты и вовсе сама не своя стала. Сидишь возле окна, смотришь на дорогу, будто ждёшь кого. Мы тебе и еды принесём, и слово доброе скажем, а ты только головой качаешь. Потом жар начался. Уж думали, вслед за мужем пойдёшь.

Я слушала, стараясь представить женщину, которая прежде жила в этом теле.

Молодая вдова. Совсем недавно похоронившая любимого человека. Отчаявшаяся настолько, что перестала есть и, вероятно, сопротивляться болезни.

Почему-то от этой мысли стало особенно тяжело.

Я не знала её, естественно не помнила мужа и не испытывала ни малейшего желания скорбеть. Но ведь для самой Арины всё это было настоящим. И любовь, и потеря, и страшные дни, когда жизнь внезапно лишилась смысла.

А теперь здесь находилась я. Что стало с ней самой, мне оставалось только гадать.

- Давно Егора похоронили? - спросила я после продолжительного молчания.

- Да почитай две недели минуло. - Агафья пригладила покрывало, потом осторожно коснулась моего плеча. - Ты только не начинай опять, голубушка. Он уж у Господа, а тебе жить надобно.

Я кивнула, хотя совершенно не представляла, как именно мне теперь надлежит жить.

Агафья ещё немного посидела рядом, рассказала, что соседки по очереди приносили еду и присматривали за мной, а потом отправилась растапливать печь.

Я осталась одна.

За маленьким окном постепенно темнело. Где-то во дворе скрипнула калитка, послышалось мычание коровы, затем чей-то громкий окрик. В печи потрескивали дрова, и от этого простого, домашнего звука становилось почему-то ещё страшнее.

Перед глазами проносилась вся моя прежняя жизнь.

Она не была идеальной. Работы больше, чем хотелось, свободного времени меньше, чем требовалось, а отпуск постоянно переносился из-за очередной проверки. Но это была моя жизнь, устроенная по моим правилам.

Я знала, сколько денег лежит на счёте, когда заканчивается страховка автомобиля, где хранятся документы на квартиру и кому позвонить, если в доме прорвёт трубу.

Знала, что утром можно сварить кофе, включить новости и посмотреть прогноз погоды. Что в холодильнике всегда есть сыр, помидоры и пекинка, а в морозилке - пельмени на случай, когда совсем не хочется готовить.

И вдруг всё это исчезло. Я даже не знала, жива ли прежняя Юлия Громова.

Возможно, сейчас где-то в больнице лежит женщина пятидесяти лет, подключённая к аппаратам. Возможно, её уже нет. А может быть, она просто потеряла сознание за рулём, и кто-нибудь в эту самую минуту пытается привести её в чувство.

Мне захотелось плакать. Не от жалости к себе, хотя поводов хватало. От беспомощности. От невозможности хотя бы позвонить кому-нибудь, спросить, что произошло, услышать знакомый голос.

Я стиснула край покрывала и долго смотрела на темнеющее окно, пока не заболели глаза. Потом заставила себя разжать пальцы.

В прежней жизни я не раз говорила сотрудникам, что паника не относится к методам финансового контроля. Вряд ли она могла помочь и сейчас. Сначала следовало разобраться в обстоятельствах. Хотя бы установить, в каком году я нахожусь.

Глава 2

Утром Агафья принесла мне миску жидкой каши, присела рядом и принялась рассказывать деревенские новости. Говорила она охотно, обстоятельно и с таким количеством отступлений, что за четверть часа я узнала о ссоре двух соседок из-за курицы, неудачном сватовстве кузнецовой дочери и болезни старостиной коровы.

О времени года я догадалась сама: за окном желтели листья, по утрам становилось холодно, а женщины то и дело поминали приближающиеся Покрова.

- Агафья, а какой нынче год? - спросила я, дождавшись паузы в рассказе о заболевшей корове.

Женщина перестала мешать кашу и с тревогой всмотрелась в моё лицо.

- Да что ж с тобой такое делается, Ариша? Вчера мужа своего позабыла, нынче уж и года не помнишь.

- После горячки, наверное, - ответила я, осторожно пробуя кашу. Она оказалась пресной, но вполне съедобной. - Голова ещё плохо соображает.

- Это верно, - согласилась Агафья и, понизив голос, добавила: - Ты только при чужих такого не спрашивай. А то пойдут разговоры, будто совсем рассудком повредилась. Сама же знаешь - отошлют…

Я не стала уточнять, куда и пообещала соблюдать осторожность, но вопрос повторила.

Агафья назвала год от Рождества Христова, предварительно пошевелив губами, словно проверяла правильность ответа.

Тысяча восемьсот тридцать шестой.

Я выронила ложку и уставилась на тётку, подсчитывая. Не может быть…

Однако, всё было верно - до отмены крепостного права оставалось двадцать пять лет.

Эту дату я помнила прекрасно, хотя история никогда не была моей сильной стороной. Однако, тысяча восемьсот шестьдесят первый год кто не помнит?

Значит, необходимо было выяснить - кто я в этом обществе.

- А Егор у кого работал? - спросила я, стараясь придать голосу безразличие.

- Как у кого? При господском дворе. - Агафья удивлённо подняла брови. - Ты ведь сама знаешь, какой он мастер был. И колесо починит, и дверь навесит, и телегу новую справит. Фёдор Игнатьевич его хвалили, покуда живой был.

- А земля у нас своя? - приходилось задавать уточняющие вопросы.

- Огород-то за избой ваш, - ответила она, пододвигая мне кружку с тёплым питьём. - Там ещё кой-чего подсобрать можно. Ты главное, сил наберись.

- Я не про огород. Мы сами по себе живём или помещику принадлежим?

Агафья медленно опустила ложку.

- Ох, девка, точно голова пустенькая у тебя стала после ентой горячки, - произнесла она после паузы. - Как это сами по себе? Мы ж Вяземцевские. Испокон веку барские люди.

Вот теперь всё окончательно встало на свои места.

Крепостная.

Я, Юлия Сергеевна Громова, которая ещё несколько дней назад могла войти в кабинет директора предприятия, потребовать документы и при необходимости инициировать проверку, теперь принадлежала другому человеку. Как вещь. Как лошадь, корова или стоявший возле окна сундук.

Я поставила миску на лавку, потому что внезапно потеряла аппетит.

- А сам помещик здесь живёт? - спросила я, когда удалось справиться с голосом.

- Николай Андреевич-то? Да где там! - Агафья оживилась, обрадованная возможностью поговорить о чём-то более понятном. - Уж который год по заграницам ездит. То во Франции,

то ещё где. Говорят, тамошние порядки ему больно по душе. А у нас всем Фёдор Игнатьевич заведуют.

- Управляющий?

- Он самый. Строгий человек, - добавила она и выразительно поджала губы. - Ты при ем не болтай. Особенно теперь, Ариша. Егорушка-то прежде за тебя слово замолвить мог, а нынче некому.

Я не стала уточнять, что именно подразумевается под строгостью Фёдора Игнатьевича. И без того хватало сведений, которые требовалось переварить.

Агафья вскоре ушла, оставив мне кашу и наказ не вставать без надобности.

Я сидела на постели, глядя на собственные молодые руки, и пыталась осознать произошедшее.

Пятьдесят лет жизни. Высшее образование, трудовой стаж, должность, репутация женщины, с которой предпочитали не связываться даже самые наглые руководители проверяемых организаций.

И всё это не имело здесь никакого значения. Ни диплом, ни опыт, ни умение составлять акты проверок не давали мне права даже самостоятельно решать, где жить.

Впрочем, одна вещь оставалась неизменной. Голова у меня по-прежнему работала. А значит, следовало выяснить, какие возможности имелись у крепостной вдовы Арины Егоровой.

И постараться не лишиться их раньше времени.

***

К концу третьего дня я начала подозревать, что если я не начну вставать и выздоравливать через силу - местная народная медицина окончательно меня доконает.

Агафья поила меня травяными отварами, укутывала так плотно, что под одеялом можно было свариться.

Вдобавок приходила некая бабка Устинья, которая бормотала молитвы, размахивала надо мной пучком сушёных растений и настойчиво советовала выпить настой, пахнувший чем-то средним между кухонной несвежей тряпкой и старой метлой.

Я отказалась.

Устинья обиделась, заявила, что прежде Арина была девкой смирной, а после болезни стала сущим наказанием, и ушла, прихватив свой травяной пучок.

Агафья проводила её виноватым взглядом.

- Зря ты так, голубушка. Устинья многим помогает. Она и тебя от горячки отхаживала.

- Не сомневаюсь, - ответила я, осторожно опуская худые ноги с постели. - Только сейчас мне больше поможет обычная еда и возможность немного походить.

- Ходить-то куда собралась? - Женщина встрепенулась и бросилась ко мне, но я уже ухватилась за край лавки. - Да погоди ты! Упадёшь ведь!

Она оказалась права.

Стоило мне подняться, как пол качнулся, перед глазами поплыли тёмные пятна, а колени предательски подогнулись. Если бы Агафья не успела подхватить меня под локоть, я непременно растянулась бы на полу.

Пришлось сесть обратно.

Я отдышалась и сердито посмотрела на собственные ноги - объективно красивые, стройные, с узкими щиколотками. Совершенно не похожие на мои прежние. Но толку от этой красоты пока оказалось немного.

- Вот видишь, - укоризненно произнесла Агафья, поправляя сбившуюся рубаху. - Я ж говорила, рано тебе вставать. Силёнок совсем не осталось.

- Значит, будем возвращать, - пробормотала я, стараясь не показывать, насколько меня напугала внезапная слабость.

Агафья покачала головой и принесла ещё каши.

На этот раз я съела всё.

Вечером удалось сделать несколько шагов вдоль лавки, придерживаясь за стену. На следующее утро я добралась до окна, а ещё через день сумела самостоятельно выйти во двор.

Правда, возвращалась уже с помощью Агафьи, потому что силы закончились быстрее, чем я рассчитывала. Но зато впервые увидела мир, в котором мне предстояло жить.

Изба стояла на краю деревни, немного в стороне от остальных домов. Перед ней тянулась узкая улица с глубокими колеями, по обе стороны которой теснились деревянные строения под соломенными и тесовыми крышами. Возле плетней копошились куры, вдалеке мычала корова, а по дороге брёл мальчишка с охапкой хвороста, почти скрывавшей его целиком.

Воздух пах дымом, сырой землёй, навозом и осенней листвой.

Я остановилась возле крыльца, обхватив себя руками.

Никаких автомобилей. Никаких электрических проводов. Ни единого признака привычной цивилизации. Даже дорога выглядела так, словно по ней никогда не проходил грейдер.

- Чего застыла? - спросила Агафья, придерживая меня за локоть. - Замёрзнешь ведь. Пойдём в избу.

Я кивнула, но прежде ещё раз огляделась. За соседним плетнём стояла женщина с ведром. Заметив меня, она что-то сказала своей спутнице, и обе принялись разглядывать меня с нескрываемым любопытством.

- Это кто? - спросила я, когда мы вернулись в дом.

- Да Марфа с Настасьей. Соседки наши. Они к тебе приходили, покуда ты лежала, - терпеливо пояснила Агафья, помогая мне сесть. - Не признала, что ли?

- Не успела рассмотреть.

Агафья вздохнула, но больше расспрашивать не стала.

Я же поняла, что впереди меня ожидает ещё одна неприятность.

Прежнюю Арину здесь знали все. Знали, как она разговаривает, как ходит, чем занимается, кого любит и чего боится. Помнили её детство, свадьбу, семейные дела, привычки.

А я не знала ничего. И рано или поздно это должно было вызвать подозрения.

***

Зеркало мне всё-таки принесли.

Агафья долго сопротивлялась, уверяя, что после тяжёлой болезни нечего лишний раз тревожиться из-за внешности, но в конце концов сдалась. На следующий день она принесла маленькое зеркальце в деревянной оправе, одолженное у зажиточной соседки.

- Только ненадолго, - предупредила она, вручая мне драгоценный предмет. - А то с Веркой не расплатишься потом, она за енту штуковину с тебя три шкуры сдерёт. И с меня заодно.

Я дождалась, пока она выйдет, и подняла зеркало. Из потемневшего стекла на меня смотрела незнакомая молодая женщина.

Тёмно-русые волосы, заплетённые кое-как, выбились из косы и спутались возле висков. Лицо в симпатичных веснушках, с прямым носом, высокими скулами и выразительными серо-зелёными глазами. Рот чуть широковат, верхняя губа красиво очерчена, на левой щеке маленькая родинка.

Красивое лицо.

Не той приторной, одинаковой красотой, которую я привыкла видеть на неестественных отретушированных фотографиях своего времени, а живой, запоминающейся. Во внешности чувствовался характер, хотя сейчас он был почти стёрт болезнью.

Я медленно провела пальцами по щеке. Отражение повторило движение.

Кожа оказалась гладкой, упругой, совершенно молодой. Ни морщин, ни возрастных изменений. Только следы недавней болезни - запавшие щёки, бледность и тёмные круги под глазами.

Двадцать четыре года, сказала Агафья. Двадцать четыре.

Вдвое меньше, чем мне было ещё совсем недавно.

Я повернула голову, рассматривая незнакомый профиль, и вдруг почувствовала странную неловкость. Словно без разрешения примеряла чужую одежду. Только снять её было невозможно.

- Арина, - тихо произнесла я, пробуя новое имя, словно представляясь кому-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.